
ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 930(470):271.2-9(47+57)«1922/1929»

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА (1922–1929) В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К. А. ЛАТЫШЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе анализа современной российской светской историографии рассматриваются ключевые аспекты советской конфессиональной политики в отношении старообрядчества с момента создания Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), которая являлась центральным органом, ответственным за реализацию антирелигиозной политики, и до принятия постановления «О религиозных объединениях», существенно изменившего политику в области религии. Ввиду значительного количественного и качественного роста российской историографии истории старообрядчества в постсоветский период выполнено обобщение региональных исследований, затрагивающих данную тематику, в целях установления общих тенденций и направлений изучения истории государственной конфессиональной политики в отношении старообрядчества, свойственных всей территории СССР. Выявлены два основных направления историографических изысканий: изучение административного давления и антирелигиозной агитации. Выделены наиболее важные проблемы, поднимаемые исследователями антирелигиозного давления, типичные для данного исторического периода. Сформулированы два подхода к определению антирелигиозной агитации, для которых характерна противоположная оценка ее эффективности.

Ключевые слова: российская постсоветская историография; историография истории старообрядчества; советская антирелигиозная политика; антирелигиозная агитация; старообрядчество советского периода; старообрядчество в 1920-х гг.

Образец цитирования:

Латышев КА. Ключевые аспекты конфессиональной политики Советского государства в отношении старообрядчества (1922–1929) в современной российской светской историографии. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;1:85–94. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-85-94>.

For citation:

Latyshau KA. Key aspects of the confessional policy of the Soviet State regarding the Old Believers (1922–1929) in the modern Russian secular historiography. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;1:85–94. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-85-94>.

Автор:

Кирилл Алексеевич Латышев – аспирант кафедры истории России исторического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. И. Меньковский.

Author:

Kiryl A. Latyshau, postgraduate student at the department of Russian history, faculty of history.
dzirtig@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6886-0910>

КЛЮЧАВЫЯ АСПЕКТЫ КАНФЕСІЙНАЙ ПАЛІТЫКІ САВЕЦКАЙ ДЗЯРЖАВЫ Ў ДАЧЫНЕННІ ДА СТАРАВЕРСТВА (1922–1929) У СУЧАСНАЙ РАСІЙСКОЙ СВЕЦКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

К. А. ЛАТЫШАЎ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

На аснове аналізу сучаснай расійскай свецкай гістарыяграфіі разглядаюцца ключавыя аспекты савецкай канфесійнай палітыкі ў дачыненні да стараверства з моманту стварэння Антырэлігійнай камісіі пры ЦК ВКП(б), якая з'яўлялася цэнтральным органам, адказным за рэалізацыю антырэлігійнай палітыкі, і да прыняцця пастановы «Аб рэлігійных аб'яднаннях», якая істотна змяніла палітыку ў галіне рэлігіі. З прычыны значнага колькаснага і якаснага росту расійскай гістарыяграфіі гісторыі стараверства ў постсавецкі перыяд зроблена абагульненне рэгіянальных даследаванняў, якія закранаюць дадзеную тэматыку, з мэтай вызначэння агульных тэндэнцый і напрамкаў вывучэння гісторыі дзяржаўнай канфесійнай палітыкі ў дачыненні да стараверства, уласцівых для ўсёй тэрыторыі СССР. Выяўлены два асноўныя напрамкі гістарыяграфічных пошукаў: вывучэнне адміністрацыйнага ціску і антырэлігійнай агітацыі. Вылучаны найбольш важныя праблемы, якія ўзнімалі даследчыкі антырэлігійнага ціску, тыповыя для дадзенага гістарычнага перыяду. Сфармуляваны два падыходы да вызначэння антырэлігійнай агітацыі, для якіх характэрна супрацьлеглая ацэнка яе эфектыўнасці.

Ключавыя словы: расійская постсавецкая гістарыяграфія; гістарыяграфія гісторыі стараверства; савецкая антырэлігійная палітыка; антырэлігійная агітацыя; стараверства савецкага перыяду; стараверства ў 1920-я гг.

KEY ASPECTS OF THE CONFESSIONAL POLICY OF THE SOVIET STATE REGARDING THE OLD BELIEVERS (1922–1929) IN THE MODERN RUSSIAN SECULAR HISTORIOGRAPHY

K. A. LATYSHAU^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article analyzes the key aspects of the Soviet confessional policy regarding the Old Believers (from the moment of the organization of the Anti-religious Commission under the Central Committee of the CPSU(b), which was the central body responsible for the implementation of anti-religious policies and until the adoption of the resolution «On Religious Associations», which significantly changed the policy in the field of religion) in modern Russian secular historiography. In view of the substantial quantitative and qualitative growth of Russian historiography of the history of the Old Believers in the post-Soviet period, we have summarized regional studies affecting this topic in order to identify general trends and directions in the study of the history of the state confessional policy regarding to the Old Believers characteristic of the entire territory of the USSR. Two main directions have been identified: the study of the administrative pressure, the study of the anti-religious agitation. The most important problems were raised by the researchers of anti-religious pressure that are specific for a given historical period. Two approaches to the definition of anti-religious agitation are formed, which are characterized by the opposite assessment of its effectiveness.

Keywords: Russian post-Soviet historiography; historiography of the history of the Old Believers; Soviet anti-religious politics; anti-religious agitation; Old Believers of the Soviet period; Old Believers in the 1920s.

Введение

Изучение истории старообрядчества ведется на протяжении всего его существования, однако длительное время исследователи испытывали определенное давление со стороны государства: так, в дореволюционной России обязательно учитывалась позиция влиятельной православной церкви, а в годы советской государственности – атеистическая идеология. В современный период (под современностью мы подразумеваем 1991–2019 гг.) подобное давление на историков нивелировалось,

что, в свою очередь, благотворно сказалось на интересе научного сообщества к вопросам истории старообрядчества в целом, а также истории его существования в условиях советской государственности в частности. По этой причине в данной статье анализируется исключительно светская историография. При изучении истории старообрядчества в советский период особого внимания заслуживают 1920–30-е гг., поскольку именно тогда происходит становление советской политики в области

религии, которая ввиду конфессиональной формы существования старообрядческих общин оказывала большое влияние на их жизнь. Практически 30 лет в постсоветской историографии изучается история старообрядчества. За это время было выполнено и опубликовано значительное количество исследований по истории старообрядчества в условиях советской государственности, введено в научный оборот немало исторического материала.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период 1922–1929 гг. Важными факторами формирования специфики данного этапа конфессиональной политики являются создание СССР и реализация НЭПа. Нижняя хронологическая граница определяется как созданием Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) (в 1922–1928 гг. официально называлась «Комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б)») в качестве единого органа реализации антирелигиозной политики, так и юридическим окончанием гражданской войны, завершившим этап революционных изменений. Верхняя граница обусловлена принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», ужесточившего законодательные нормы в вопросах регуляции существования религиозных групп, а также закрытием Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), завершением НЭПа и началом коллективизации, значительно изменившими в комплексе жизнь старообрядцев.

На данный момент постсоветская историография истории старообрядчества 1922–1929 гг. рассматривается исключительно в региональных рамках. Весьма подробное комплексное исследование государственной политики в отношении старообрядчества Байкальского региона осуществила С. В. Васильева [1]. Мы считаем важным вывод автора о том, что «постсоветская историография (истории старообрядчества. – К. Л.) прошла самостоятельный путь оформления и развития, не связанный с... традициями советского периода» [1, с. 162]. До настоящего времени отсутствуют обобщающие работы по истории старообрядчества СССР в 1922–1929 гг., а данный хронологический период в отношении старообрядцев поверхностно представлен в исследованиях, посвященных истории религии в целом.

Важным условием развития светской историографии истории старообрядчества является терри-

ториальная распространенность старообрядческих общин. Изучением истории старообрядчества занимаются ученые региональных центров, сформировавшихся в местах массового проживания старообрядцев, ввиду чего для реализации сравнительно-исторического метода нами выбраны следующие территории в хронологических границах, соответствующих данному исследованию: Архангельская губерния, Байкальский регион (в составе Прибайкалья, Забайкалья), Курский край (в составе Курской губернии), Томский уезд (с 1925 г. Томский округ), Алтай, Урал, Ветка и Стародубье, Сталинградская губерния, г. Москва и другие места массового проживания старообрядцев. Были отобраны как пограничные, так и центральные районы для определения системных факторов, направляющих конфессиональную политику СССР в отношении старообрядчества, и анализа их характера в различных социально-экономических условиях советских регионов в целях выявления содержания общегосударственной конфессиональной политики.

Следует отметить, что большинство ученых определяют более широкие хронологические рамки исследований, нежели обозначенный нами период, в связи с чем последнему может не уделяться достаточного внимания в комплексных работах. Основной причиной указанной проблемы является незначительное количество сохранившихся исторических источников, посвященных данному периоду. О росте интереса к истории старообрядчества в постсоветском научном обществе говорит организация многочисленных тематических научных форумов. Немалая заслуга в этом принадлежит Комиссии по исследованию старообрядчества при Международном комитете славистов (действует с 2008 г.). Также стоит отметить работу исследователей Музея истории и культуры старообрядчества и МГУ, организаторов конференций «Старообрядчество: история, культура, современность» (в 2019 г. состоялась 13-я по счету конференция). В 2016 г. прошла крупная международная конференция «Старообрядчество, государство и общество в современном мире». Большое внимание истории старообрядчества уделяется в рамках конференции «Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе», традиционно организуемой археографической лабораторией МГУ, и др.

Основная часть

Среди наиболее крупных современных исследований, имеющих важное значение при изучении истории старообрядчества обозначенного хронологического отрезка во взаимоотношениях с государством, отметим монографию А. В. Кострова «Старообрядчество Байкальской Сибири в “пере-

ходный” период отечественной истории (1905–1930-е гг.)». Особой значимостью для нас обладает выделение 1917–1928 гг. как этапа становления государства, гражданской войны и последующего НЭПа. А. В. Костров считает, что в это время «конфессиональная политика правительства была на-

правлена на относительно мягкое выдавливание религии из всех сфер жизни общества и замену ее материалистическим мировоззрением» [2, с. 259]. Политическое давление в целом ученый разделяет на две неравные части, а именно: давление на церковь как институт (имеет большую силу) и на религию как мировоззренческую составляющую жизни человека и религиозной общины (имеет меньшую силу). По нашему мнению, подобный подход наиболее точно характеризует советскую антирелигиозную политику на данном историческом этапе. Поэтому мы выделим два ключевых аспекта исследований истории старообрядчества:

- 1) изучение административного давления;
- 2) изучение антирелигиозной агитации.

В первом случае мы можем говорить о безусловном приоритете анализа законодательства и определенных подзаконных актов, регламентирующих жизнь старообрядческого населения в 1920-е гг. Так, А. В. Костров особое значение придает вопросам законодательного обоснования инвентаризации и изъятия имущества церковных общин, а также составления и заключения договора о регистрации общины, содержанию в нем «подводных камней», в некоторой мере ограничивающих политические возможности старообрядцев. Большое внимание он уделяет анализу типового договора о регистрации старообрядческой общины, в частности формулировке запретов на политическую агитацию во всех ее формах, в действии. А. В. Костров видит в данном требовании отражение участия старообрядчества в гражданской войне на территории Байкальского региона. Договоры регистрации общин анализируются в различных региональных исследованиях. Е. Ф. Луцковская, работая с документами архива Амбурского старообрядческого религиозного общества, уделяет особое внимание изучению «устава старообрядцев-христиан филипповского толка религиозного общества, удостоверения о регистрации коллектива верующих, актов осмотра моленной и проверки имущества, протоколов общих собраний» [3, с. 190]. Рассматривая договор о передаче церкви старообрядцам от 1 марта 1922 г., она делает акцент на данных о составе общины, уголовной ответственности за несоблюдение правил и норм содержания храма. Интерес вызывает тот факт, что ответственность со стороны органов советской власти текст договора не фиксировал. Также автор отмечает наличие дополнительных актов (к примеру, устава общины, списка ее членов с описанием их социально-имущественного положения), которые должны были предоставлять старообрядцы по требованию местных органов. Е. Ф. Луцковская особое внимание уделяет формулировке причины для аннулирования регистрации: «Если число членов составит менее 50 местных деятелей, не ограниченных по суду в правах» [3, с. 190], – так как автор видит в данном

факте инструмент административного давления на религиозную общину. К. В. Симоненков, изучая старообрядчество Курского края, приводит информацию о том, что в начале 1920-х гг. осуществлялось анкетирование старообрядческого населения, при этом «в центре внимания находились вопросы посещаемости храмов, отношение населения к возможности закрытия храмов и использования их под просветительные нужды» [4, с. 121]. Автор рассматривает его как подготовительный этап дальнейшего антирелигиозного административного давления. Относительно данного вывода мы считаем необходимым отметить тот факт, что и порядок регистрации религиозных общин, и порядок передачи общинам культового имущества на протяжении 1920-х гг. претерпевали определенные изменения, в том числе и на региональном уровне; количество членов общины в это время неоднократно менялось. В аналогичном контексте законодательное оформление отношений со старообрядцами исследуется в статье Н. Ф. Рыжонков. На примере Печерского уезда она анализирует типовой договор передачи в 1922 г. в «с. Замежное Пижемской волости молельни с богослужебными предметами по особой нами заверенной своими подписями описи» [5, с. 195], акцентируя внимание на возможности уголовного наказания за нарушение пунктов договора между старообрядцами и властью. Автор также приходит к выводу, что в данный период осуществлялась подготовка к дальнейшему устранению старообрядчества государственным аппаратом. Весьма интересны с точки зрения установления характера отношений государства к старообрядцам тезисы, выдвинутые Н. Д. Зольниковой в статье «“Свои” и “чужие” по нормативным актам сибирских староверов-часовенных». Определяя советскую антирелигиозную политику как «агрессивно-атеистическую» [6, с. 55], автор указывает на ценность анализа советского законодательства первой половины 1920-х гг., предполагая, что «спусковым механизмом» для преследований, в особенности старообрядческих монастырей, могло послужить советское законодательство о конфессиях на разных его этапах. Но при этом Н. Д. Зольникова подчеркивает, что «данный вопрос совершенно не изучен», и утверждает, что «преследование старообрядчества и его монастырей относилось все же ко времени острых социальных столкновений» [6, с. 55], считая таким периодом 1930-е гг.

Тема закрытия храмов также играет важную роль в постсоветской историографии. Наибольшее значение она имеет при изучении 1930-х гг., когда закрытие храмов носило действительно массовый характер, однако в некоторой мере затрагивает и период 1920-х гг. Л. Н. Приль, рассматривая историю старообрядчества Томского региона, уделяет большое внимание закрытию старообрядческих

храмов и монастырей. На период 1920-х гг. (за исключением 1929 г.) приходится ликвидация всего одной обители – Миасского Никольского женского монастыря в 1924 г. При этом автор выделяет репрессивную составляющую закрытия монастыря, а именно: «60 послушниц были отправлены в Сибирь, но попытка основать новую обитель оказалась безуспешной, и они вернулись, укрепив местную общину» [7, с. 197]. Историю данного монастыря изучала также Е. С. Данилко. Она отмечает, что послушницы были сосланы на территорию современной Томской области, «где попытались устроить новую обитель, которая просуществовала почти 10 лет» [8, с. 100], после чего скрывались 2 года и в 1936 г. вернулись в Миасс. Автор рассматривает историю монастыря в контексте участия инокинь в сохранении религиозных норм и традиций, но нас он больше интересует в качестве объекта «политической агрессии» 1920-х гг. Ни в исследовании Л. Н. Приль, ни в работе Е. С. Данилко не отражены методы политического или экономического давления на данную обитель, за исключением упоминания того, что монастырь был «описан» [8, с. 197], а вся информация, касающаяся ареста монахинь или аналогичных репрессивных действий, датируется 1930-ми гг. Л. Н. Приль, рассматривая также историю Томского Покровского монастыря, отмечает уменьшение количества монахинь в период с 1920 по 1926 г. По результатам переписи в эти годы там проживали 21 и 14 монахинь соответственно [7, с. 202]. Кроме того, автор подчеркивает, что остальные сибирско-уральские монастыри уже были закрыты. Единственный момент действия репрессивного аппарата можно связать с деятельностью Амфилохия, проживавшего невдалеке от Покровского монастыря. В 1923 г. он был приговорен к смерти за печать листовок, однако приговор заменили на 5 лет тюрьмы, по истечении этого срока осужденный вернулся в скит. В некоторой степени отличаются выводы исследователя московского старообрядчества В. Ф. Козлова. Он, рассматривая данный период, называет его «трагическими 1920–1930 гг.», без обособления 1920-х гг. Помимо этого, автор указывает на то, что этот исторический период «чрезвычайно скудно обеспечен письменными и печатными историями» [9, с. 198]. Нам интересен тезис В. Ф. Козлова о том, что московские старообрядцы в начале большевистского режима испытывали «слабые надежды на то, что их как пострадавших от царской власти трогать не будут». Далее, утверждая, что 1920-е гг. являются «первой волной репрессий», автор приводит данные о том, что «в период 1923–1924 г. были закрыты 14 молелен самых разных согласий» из 46 официально зарегистрированных в 1917 г. на основании того, что они не являлись действующими храмами согласно существующему законодательству [9, с. 198]. Изучая особенности государственной конфесси-

ональной политики в отношении старообрядцев Нижнего Поволжья, Н. В. Пискунов приходит к выводу, что в начале 1920-х гг. советское правительство искало поддержки среди старообрядческого населения, выпустив воззвание, в котором говорилось, что «никто никого не будет преследовать», а для его реализации создана «специальная комиссия для заселения свободных земель старообрядцами», действующая вплоть до 1924 г. [10, с. 52]. В ответ на данное воззвание старообрядческие церковные иерархи выпустили послание с призывом быть лояльнее к советской власти. Отражением эффективного взаимодействия старообрядцев и государства можно считать то, что в Сталинградском губисполкоме в конце 1925 г. количество зарегистрированных старообрядческих объединений составляло примерно 1/6 часть от всех зарегистрированных общин. И. В. Куприянова также приводит положительные оценки взаимодействия государства со старообрядчеством: «В 1926 г. председатель Союза воинствующих безбожников Е. М. Ярославский в докладе “О состоянии сектантства в СССР” отмечал, что в сравнении с приверженцами РПЦ старообрядцы более лояльно относятся к власти, несмотря на преобладание среди них зажиточного крестьянства и торгового элемента в городах» [11, с. 97]. Весьма интересна в данном контексте характеристика А. В. Костровым отношения семейских старообрядцев к советской власти в 1928 г.: «О коммунистах как о слугах антихриста мнение довольно дружное, однако к советской власти семейские относятся не особо доброжелательно», а во многих селах «некоторые слои даже враждебно» [12, с. 36]. И. П. Коровушкина-Пярт изучала историю старообрядчества Урала. Исследуя данный период, она отмечает, что в 1920-е гг. деятельность старообрядческих общин по организации и систематизации взаимодействия между различными религиозными группами хотя и находилась под вниманием администрации, но не встречала противодействия. Причина в том, что власть не настаивала на обязательной регистрации общины, так как считала, что неконтролируемые собрания представляют большую опасность. Следует сказать, что автор указывает на тот факт, что «Сибирь по своему административному положению в 1917–1950 гг. не может служить моделью для анализа положения старообрядцев в других регионах, поскольку статус периферии допускал некоторые исключения из правил» [13, с. 206]. Однако аналогичные описания присутствуют в различных региональных исследованиях, что, по нашему мнению, говорит о возможности использовать данную модель для анализа истории старообрядчества с учетом региональной специфики. К этому же выводу приходит Л. Н. Приль.

Таким образом, можно утверждать, что наиболее важным аспектом при изучении административного давления является анализ юридических

документов о регистрации общин и соответствующего законодательства. В исследовательской среде преобладает позиция, согласно которой сбор разнообразной информации о членах общины считается элементом подготовки к дальнейшему ужесточению антирелигиозной политики. Тема закрытия храмов хотя и поднимается в исследованиях 1920-х гг., ее изучение не носит массового характера. Также мы можем сказать, что для приграничных территорий отмечаются схожие выводы относительно «исключений из правил» в вопросах конфессиональной политики, которые на данный момент оцениваются нами как системное явление, а не «своеволие» и допущение местных властей.

Анализ антирелигиозной агитации имеет особое значение в первую очередь ввиду возможности различной интерпретации этого понятия. На наш взгляд, следует выделить две основные трактовки: 1) комплекс действий советской власти, направленных на борьбу непосредственно с религией (информационное просвещение путем антирелигиозных выступлений, публикации газет, использование радио и кинематографа); 2) социально-политическая деятельность, направленная на замещение элементов религиозного мировоззрения социальными нормами, характерными для представителей советского общества. Нами была предпринята попытка определить роль данного вопроса в постсоветской историографии [14, с. 136], в результате чего мы пришли к выводу о том, что необходим более подробный анализ антирелигиозной агитации именно как комплекса изменений в социальной жизни старообрядцев, а не конкретных антирелигиозных кампаний.

Рассматривая отдельные антирелигиозные агитационные действия, А. В. Апанасенок и Е. С. Апанасенок в своей статье подчеркивали, что старообрядцы должны были в большей мере пострадать от антирелигиозной агитации, так как они являются наиболее воцерковленной частью населения. Авторы отмечали, что при планировании антирелигиозной агитации правительство принимало во внимание особенности религиозных культов. Это подтверждают планы советской власти, которые учитывали старообрядческие религиозные праздники и концентрировали антирелигиозные выступления на эти даты [15, с. 217]. Е. Е. Дутчак выделяет в качестве наиболее значимого направления агитационной деятельности советского руководства попытку разрушения общины через воздействие на уязвимые части населения. «Советская власть, взяв на себя роль защитника неимущих, превратила помощь беднейшим слоям деревни из эпизодической (стимулирующей) в постоянную и дополненную политическими привилегиями» [16, с. 269]. Кроме того, автором подчеркивается дискредитация старообрядчества в прессе как элемент давления

в первую очередь на старообрядческие скиты, которые не имели своего финансирования. С. Р. Шигапов, рассматривая старообрядчество Томска, также приводит примеры неэффективности антирелигиозной политики внутри старообрядческой общины, основываясь на свидетельствах современников: «Заведующий избы-читальни в с. Митрофановка в своем отчете (1926) отметил, что во время религиозных праздников оказывается невозможным проведение каких бы то ни было мероприятий» [17, с. 45]. К. В. Симоненков, изучая старообрядчество Курского края, констатирует, что «региональное отделение “Союза воинствующих безбожников” наиболее бурную деятельность развивало в районах со старообрядческим населением» [4, с. 121]. В качестве доказательства он приводит датировку антирелигиозных агитационных действий в местах компактного проживания старообрядцев. В итоге К. В. Симоненков приходит к выводу, что антирелигиозная агитация 1920-х гг. не имела существенной эффективности. А. В. Апанасенок и Е. С. Апанасенок, говоря о Курском крае, приводили данные (опираясь на социологические исследования 1928 г.) о том, что «в разных районах, позже вошедших в состав Курской области, посещаемость церквей и молитвенных домов составляет от 75 до 95 % (населения. – К. Л.), при этом самая высокая посещаемость – в пунктах, населенных старообрядцами» [15, с. 218]. В целом большинство исследователей сходятся во мнении, что конкретные антирелигиозные агитационные действия в старообрядческой среде не имели эффекта, однако при рассмотрении антирелигиозной агитации в широком смысле слова ситуация меняется.

М. В. Кочергина, анализируя положение старообрядцев на территории Стародубья и Ветки, указывала на активное использование достижений технического прогресса в вопросах агитации: «В поселке Климов на период 1925 г. проживало 6 тыс. человек, из которых 92 % составляли старообрядцы. 60 % посетителей кинотеатра приходилось на старообрядческую молодежь» [18]. Наряду с молодежью важным объектом антирелигиозной агитации являлись женщины. И. В. Куприянова в исследовании «Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта» проводила анализ религиозного статуса родителей детей, рожденных в 1920-е гг. в местах массового проживания старообрядцев [19, с. 329]. Было установлено, что во многих случаях лишь один из родителей исповедовал старообрядчество. С учетом того что в дореволюционные годы подобная ситуация являлась исключением, мы наблюдаем определенный агитационный успех (который, возможно, был последствием передачи бракоразводного процесса под управление государства). А. В. Костров, рассматривая вопрос расторжения брака в старообрядческой среде, также указывал на

то, что уже к концу 1920-х гг. значительно изменились отношение к браку среди молодых старообрядцев: «Стало доходить до злостного нарушения традиций, так, один старообрядец жаловался старообрядческому священнику, что его сын осознанно женился на дочери своего крестного» [20, с. 329]. И. В. Куприянова в качестве значимого аргумента роли старообрядческих женщин приводит материалы съезда старообрядцев Западно-Сибирского округа за 1927 г. В данном документе поднимался вопрос: «Можно ли крестить детей у безбожников, жены которых остаются верующими?» [19, с. 329], что, по нашему мнению, говорит о значительном количестве таких семей, а это, в свою очередь, свидетельствует об изменениях в старообрядчестве. Также И. В. Куприянова, рассматривая территорию Алтая, подтверждала определенные успехи антирелигиозной агитации тем, что «молодое поколение прихожан вышло из старообрядческих семей, получив не только религиозное, но и гражданское образование» [11, с. 97]. Следует отметить, что в этот период в старообрядческой среде стали появляться нестандартные профессии (актриса, тренер и т. д.). М. В. Кочергина также подчеркивает, что антирелигиозная агитация в отношении женщин занимала важное место в советской антирелигиозной деятельности в местах массового проживания старообрядцев. В выводах к своему исследованию автор указывает, что в 1920-е гг. старообрядчество на территории крупного старообрядческого центра – Стародубья и Ветки – теряло свой сплоченный ха-

рактер ввиду антирелигиозной агитации [18]. Важно отметить статью А. В. Кострова, посвященную введению в научный оборот историографического источника «Семейские (Забайкальские старообрядцы)» А. М. Поповой, которая занималась этнографическими региональными исследованиями истории старообрядчества в 1920-е гг. В своей статье А. В. Костров указал, что в 1920-е гг. краеведение переживало важный этап своего развития на всей территории СССР, в том числе и в БССР, где его в то время возглавлял В. И. Печета [21, с. 118]. Также А. В. Костров охарактеризовал еще один фактор, свидетельствующий об определенной эффективности антирелигиозной агитации, а именно увеличение количества технических средств, используемых в хозяйстве, хотя орудия труда должны быть «чистыми», т. е. созданными самими старообрядцами [22, с. 97].

Таким образом, несмотря на то, что некоторые исследователи отмечают неэффективность антирелигиозной агитации в старообрядческой среде, основываясь на статистических данных посещения церквей и свидетельствах современников событий, многие факты можно трактовать в качестве аргумента, подтверждающего изменение жизни старообрядцев уже в 1920-х гг. на всей территории СССР, выражающееся в отходе от старообрядческих норм. Учеными отмечается значительная динамика подобных изменений, которая не была характерна для представителей данной религии в досоветский период.

Заключение

В постсоветских региональных исследованиях, затрагивающих историю старообрядчества 1920-х гг., рассматриваются схожие проблемы с поправкой на региональную специфику. При анализе конфессиональной политики однозначно определяются два основных фактора – антирелигиозное давление и антирелигиозная агитация. Вопрос изучения антирелигиозных административных методов поднимается в большинстве исследований истории взаимоотношений старообрядцев с властью. Постсоветские ученые сходятся во мнении, что антирелигиозная политика 1920-х гг. являлась своеобразной подготовкой к дальнейшему ужесточению борьбы с религией. Основной причиной для подобного подхода считается сбор советской властью значительного количества дополнительных сведений о членах общины, а также постановка зарегистрированных общин в такие законодательные рамки, которые позволяли государству при необходимости запретить деятельность данного общества на законных основаниях. При этом часть исследователей отмечают положительные тенденции во взаимоотношениях старообрядцев и государства в разных регионах. В постсоветской историогра-

фии не упоминаются массовые репрессивные действия относительно старообрядцев в данный период, случаи закрытия старообрядческих храмов или преследования отдельных священнослужителей не носят системного характера.

При изучении антирелигиозной агитации авторы вне зависимости от региона исследований приходят к выводу о неэффективности антирелигиозных действий ввиду низкого качества подготовки антирелигиозной агитации 1920-х гг. Противоположная картина наблюдается при анализе антирелигиозной политики в контексте изменений жизни старообрядцев в условиях советского общества. Старообрядческая молодежь (как наиболее подверженный агитационному воздействию класс) зачастую отходит от религиозных норм и обычаев, ввиду чего значительно сильнее социализируется в советском обществе. Исследователи отмечают значительную динамику данного процесса в различных регионах проживания старообрядцев, что выражается в участии последних в правовых, образовательных, экономических и иных системах взаимоотношений государства и населения.

Библиографические ссылки

1. Васильева СВ. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII–XXI вв.: историография и источники. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН; 2010. 204 с.
2. Костров АВ. Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.). Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета; 2010. 443 с.
3. Луцковская ЕФ. Архив Амбурского старообрядческого религиозного общества Архангельской губернии в 1920-е годы в фондах Северодвинского музея [Интернет]. В: Осипов ВИ, Зиновкина НВ, Соколова ЕИ, Осипова АВ, редакторы-составители. *Старообрядчество: история, культура, современность: материалы XI Международной научной конференции; 11–13 ноября 2014 г.; Москва, Россия. Том 1.* Москва: [s. n.]; 2014 [процитировано 18 декабря 2019 г.]. с. 188–197. Доступно по: <http://www.borovskold.ru/download.php?id=24115654>.
4. Симоненков КВ. Старообрядчество Курского края в условиях советской антирелигиозной кампании 1920–1930-х гг. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Том 4. История* [Интернет]. 2012 [процитировано 18 декабря 2019 г.];3:119–126. Доступно по: <http://lengu.ru/download/144>.
5. Рыжонков НФ. Старообрядчество севера европейской части России в период советской государственности [Интернет]. В: Осипов ВИ, Зиновкина НВ, Соколова ЕИ, Осипова АВ, редакторы-составители. *Старообрядчество: история, культура, современность: материалы IX Международной научной конференции; 30 сентября – 2 октября 2009 г.; Новгород, Россия.* Москва: [s. n.]; 2010 [процитировано 17 декабря 2019 г.]. с. 194–198. Доступно по: <http://www.borovskold.ru/download.php?id=31649064>.
6. Зольникова НД. «Свои» и «чужие» по нормативным актам сибирских староверов-часовенных. *Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история.* 1998;2:54–59.
7. Приль ЛН. К характеристике белокриницких обителей Томской области в 1920–1930-х годах. В: Поздеева ИВ, редактор. *Традиционная книга и культура позднего русского средневековья: труды Всероссийской научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований МГУ имени М. В. Ломоносова; 27–28 октября 2006 г.; Москва, Россия. Часть 2. История, книжность и культура русского старообрядчества.* Ярославль: Ремдер; 2008. с. 194–217.
8. Данилко ЕС. Социальные механизмы сохранения традиционных ценностей (на примере старообрядческой общины г. Миасса Челябинской обл.). *Этнографическое обозрение* [Интернет]. 2006 [процитировано 7 ноября 2019 г.];4:98–108. Доступно по: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2006/no4/2006_4_Danilko.pdf.
9. Козлов ВФ. Московское старообрядчество в первой трети XX в. (храмы, молельни, общественные организации и учреждения). В: Юхименко ЕМ, составитель. *Старообрядчество в России (XVII–XX вв.).* Москва: Языки русской культуры; 1999. с. 190–239.
10. Пискунов НВ. Особенности государственной политики по отношению к общинам старообрядцев и старых русских сектантов Нижнего Поволжья в 1920–1930-е годы. *Манускрипт.* 2018;11(1):51–55. DOI: 10.30853/manuscript.2018-11-1.11.
11. Куприянова ИВ. Социальная структура старообрядчества Алтая в послереволюционный период. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* [Интернет]. 2014 [процитировано 10 декабря 2019 г.];10(1):96–98. Доступно по: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/24.html>.
12. Костров АВ. Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири в 1920-е гг. *Новый исторический вестник* [Интернет]. 2010 [процитировано 10 декабря 2019 г.];1:35–42. Доступно по: http://www.nivestnik.ru/2010_1/23.pdf.
13. Коровушкина-Пярт ИП. Старообрядчество Урала в годы сталинской «революции сверху»: репрессии, протест и выживание. В: *Проблемы истории России. Выпуск 4. Евразийское пограничье.* Екатеринбург: Волот; 2001. с. 206–217.
14. Латышев КА. Советская антирелигиозная агитация (1922–1929 гг.) в отношении старообрядчества в постсоветской русскоязычной историографии. В: Осипов ВИ, Соколова ЕИ, Осипова АВ, редакторы-составители *Старообрядчество: история, культура, современность: материалы XIII Международной научной конференции; 21–23 ноября 2019 г.; Москва, Россия.* Москва: [s. n.]; 2019. с. 129–133.
15. Апанасенков АВ, Апанасенков ЕС. «Осколки старого мира» в социалистической деревне: сельские древлеправославные общины Курского края в 1920–1980-е гг. [Интернет]. В: Осипов ВИ, Зиновкина НВ, Соколова ЕИ, Осипова АВ, редакторы-составители. *Старообрядчество: история, культура, современность: материалы X Международной научной конференции; 15–17 ноября 2011 г.; Москва, Россия. Том 1.* Москва: [s. n.]; 2011 [процитировано 10 декабря 2019 г.]. с. 216–229. Доступно по: http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=137.
16. Дутчак ЕЕ. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Керов ВВ, редактор [Интернет]. Томск: Издательство Томского университета; 2007 [процитировано 10 декабря 2019 г.]. 414 с. Доступно по: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000240327>.
17. Шигапов СР. Советская власть и староверы: развитие взаимоотношений в 1920–1930-е гг. (на материалах Томского уезда). *Вестник Томского государственного университета. История.* 2016;3:44–50. DOI: 10.17223/19988613/41/6.
18. Кочергина МВ. Конфискация имущества, лишение избирательных прав и репрессии советской власти против старообрядцев Стародубья и Ветки в 1920–1940 гг. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета* [Интернет]. 2019 [процитировано 20 сентября 2019 г.];1. Доступно по: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/054-009.pdf>.
19. Куприянова ИВ. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта. *Мир науки, культуры, образования.* 2013;4:326–330.
20. Костров АВ. Эволюция старообрядчества Байкальской Сибири в период становления советского общества. *Вестник Иркутского государственного технического университета.* 2010;7:326–331.
21. Шумейко МФ, Яновский ОА. Международная научная конференция «История и историография: объективная реальность и научная интерпретация» (Минск, исторический факультет Белорусского государственного университета, 5 октября 2018 г.). *Журнал Белорусского государственного университета. История* [Интернет]. 2019 [процитировано 18 декабря 2019 г.];1:117–120. Доступно по: <https://journals.bsu.by/index.php/history/article/view/396>.
22. Костров АВ. «Семейские (Забайкальские старообрядцы)» А. М. Поповой как источник по истории развития хозяйства староверов Байкальской Сибири в 20-е гг. XX в. *Историко-экономические исследования.* 2010;11(2):93–102.

References

1. Vasil'eva SV. *Gosudarstvennaya konfessional'naya politika po otnosheniyu k staroobryadchestvu v Baikalskom regione XVII–XXI vv.: istoriografiya i istochniki* [State confessional policy in relation to the Old Believers in the Baikal region of the 17th–21st centuries: historiography and sources]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2010. 204 p. Russian.
2. Kostrov AV. *Staroobryadchestvo Baikalskoi Sibiri v «perekhodnyi» period otechestvennoi istorii (1905–1930-e gg.)* [The Old Believers of Baikal Siberia in the «transitional» period of Russian history (1905–1930s)]. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State University; 2010. 443 p. Russian.
3. Lutskovskaya EF. [Archive of the Old Believer Ambursk religious community in the Arkhangelsk province in the 1920s in the funds of the Severodvinsk Museum] [Internet]. In: Osipov VI, Zinovkina NV, Sokolova EI, Osipova AV, editors and compilers. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 11–13 noyabrya 2014 g.; Moskva, Rossiya. Tom 1* [Old Believers: history, culture, modernity: proceedings of the XI International scientific conference; 2014 November 11–13; Moscow, Russia. Volume 1]. Moscow: [s. n.]; 2014 [cited 2019 December 18]. p. 188–197. Available from: <http://www.borovskold.ru/download.php?id=24115654>. Russian.
4. Simonenkov KV. Old Belief of Kursk region in conditions of Soviet anti-religious campaign in 1920–1930s. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Tom 4. Istoriya* [Internet]. 2012 [cited 2019 December 18];3:119–126. Available from: <http://lengu.ru/download/144>. Russian.
5. Ryzhonok NF. [Old Believers of the north of the European part of Russia during the period of Soviet statehood] [Internet]. In: Osipov VI, Zinovkina NV, Sokolova EI, Osipova AV, editors and compilers. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 30 sentyabrya – 2 oktyabrya 2009 g.; Novgorod, Rossiya* [Old Believers: history, culture, modernity: proceedings of the IX International scientific conference; 2009 September 30 – October 2; Novgorod, Russia]. Moscow: [s. n.]; 2010 [cited 2019 December 17]. p. 194–198. Available from: <http://www.borovskold.ru/download.php?id=31649064>. Russian.
6. Zol'nikova ND. [«Own» and «alien» according to the regulations of the Siberian Old Believers]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya: Otechestvennaya istoriya*. 1998;2:54–59. Russian.
7. Pril' LN. [On the characteristics of the Belokrinitsky monasteries of the Tomsk region in the 1920–1930s]. In: Pozdeeva IV, editor. *Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya: trudy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii k 40-letiyu polevykh arkheograficheskikh issledovaniy MGU imeni M. V. Lomonosova; 27–28 oktyabrya 2006 g.; Moskva, Rossiya. Chast' 2. Istoriya, knizhnost' i kul'tura russkogo staroobryadchestva* [Traditional book and culture of the late Russian Middle Ages: proceedings of the All-Russian scientific conference on the 40th anniversary of field archaeographic research at Lomonosov Moscow State University; 2006 October 27–28; Moscow, Russia. Part 2. History, bookishness and culture of the Russian Old Believers]. Yaroslavl: Remder; 2008. p. 194–217. Russian.
8. Danilko ES. Social mechanisms for the preservation of traditional values (a case study of an Old-Believers community in Miass, Cheliabinsk region). *Etnograficheskoe obozrenie* [Internet]. 2006 [cited 2019 November 7];4:98–108. Available from: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2006/no4/2006_4_Danilko.pdf. Russian.
9. Kozlov VF. [Moscow Old Believers in the first third of the 20th century (temples, chapels, public organizations and institutions)]. In: Yukhimenko EM, compiler. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)* [Old Believers in Russia (17th – 20th centuries)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1999. p. 190–239. Russian.
10. Piskunov NV. Peculiarities of state policy in relation to the communities of Old Believers and Old Russian sectarians of the lower Volga region in the 1920–1930s. *Manuscript*. 2018;11(1):51–55. DOI: 10.30853/manuscript.2018-11-1.11. Russian.
11. Kupriyanova IV. Social structure of Old Belief of Altai in post-revolutionary period. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice* [Internet]. 2014 [cited 2019 December 10];10(1):96–98. Available from: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/24.html>. Russian.
12. Kostrov AV. Soviet power and Old Believers of Baikal Siberia in 1920s. *Novyi istoricheskii vestnik* [Internet]. 2010 [cited 2019 December 10];1:35–42. Available from: http://www.nivestnik.ru/2010_1/23.pdf. Russian.
13. Korovushkina-Pyart IP. [Old Believers of the Urals during the Stalinist «revolution from above»: repression, protest and survival]. In: *Problemy istorii Rossii. Vypusk 4. Evraziiskoe pogranič'e* [Problems of the history of Russia. Issue 4. Eurasian borderland]. Ekaterinburg: Volot; 2001. p. 206–217. Russian.
14. Latyshev KA. [Soviet anti-religious agitation (1922–1929) against the Old Believers in post-Soviet Russian-speaking historiography]. In: Osipov VI, Sokolova EI, Osipova AV, editors and compilers. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 21–23 noyabrya 2019 g.; Moskva, Rossiya* [Old Believers: history, culture, modernity: proceedings of the XIII International scientific conference; 2019 November 21–23; Moscow, Russia]. Moscow: [s. n.]; 2019. p. 129–133. Russian.
15. Apanasenok AV, Apanasenok ES. [«Fragments of the old world» in a socialist village: rural ancient Orthodox communities of the Kursk region in the 1920–1980s] [Internet]. In: Osipov VI, Zinovkina NV, Sokolova EI, Osipova AV, editors and compilers. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 15–17 noyabrya 2011 g.; Moskva, Rossiya. Tom 1* [Old Believers: history, culture, modernity: proceedings of the X International scientific conference; 2011 November 15–17; Moscow, Russia. Volume 1]. Moscow: [s. n.]; 2011 [cited 2019 December 10]. p. 216–229. Available from: http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=137. Russian.
16. Dutchak EE. *Iz «Vavilona» v «Belovod'e»: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.)* [From «Babylon» to «Belovodye»: adaptation capabilities of Taiga communities of Old Believers – wanderers (second half of the 19th – early 21st centuries)]. Kerov VV, editor [Internet]. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University; 2007 [cited 2019 December 10]. 414 p. Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000240327>. Russian.
17. Shigapov SR. The Soviet authority and Old Believers: the development of relations in 1920–1930s (on materials of Tomsk county). *Tomsk State University Journal of History*. 2016;3:44–50. Russian. DOI: 10.17223/19988613/41/6.
18. Kochergina MV. [Confiscation of property, depreciation of electoral rights and repression of Soviet power against Russian Old Believers Starodubye and Vetka in 1920–1940]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016;1:10–15. Russian.

darstvennogo universiteta [Internet]. 2019 [cited 2019 September 20];1. Available from: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/054-009.pdf>. Russian.

19. Kuprianova IV. Old Believer family: religious and cultural dominance. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2013;4:326–330. Russian.

20. Kostrov AV. Evolution of Old Belief in Baikal Siberia under the formation of the Soviet society. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2010;7:326–331. Russian.

21. Shumeiko MF, Yanouski AA. International scientific conference «History and historiography: objective reality and scientific interpretation» (Minsk, faculty of history, Belarusian State University, 5 October, 2018). *Journal of the Belarusian State University. History* [Internet]. 2019 [cited 2019 December 18];1:117–120. Available from: <https://journals.bsu.by/index.php/history/article/view/396>. Russian.

22. Kostrov AV. [«Semeyskie (Trans-Baikal Old Believers)» A. M. Popova as a source on the history of the development of the economy of the Old Believers of Baikal Siberia in the 20s 20th century]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 2010;11(2):93–102. Russian.

Статья поступила в редколлегию 19.12.2019.
Received by editorial board 19.12.2019.